

«Благо разрешился
письмом...»

Переписка
Ф.В. Булгарина

Все поминатье лаховъ!
24 января 1853. Фаддѣй Булгаринъ

Ф.В. Булгарин. Литография А. Минстера на основе рисунка В.Ф. Тимма с рисунка И.П. Раулова. 1853 г.

«Благо разрешился
письмом...»
Переписка
Ф.В. Булгарина

МОСКВА/НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ/2025

УДК 821.161.1(092)Булгарин Ф.В.
ББК 83.3(2)52дБулгарин Ф.В.ю14
Б90

Составитель А. И. Рейтблат, подготовка текста и комментарии к переписке с А. А. Воейковой, А. Ф. Воейковым, Ф. Н. Глинкой, А. С. Грибоедовым, М. Н. Загоскиным, А. О. Корниловичем, Н. В. Кукольниковом, А. С. Пушкиным, К. Ф. Рылеевым, А. Я. Стороженко, В. А. Стороженко, В. А. Ушаковым и подготовка текста писем П. С. Усову Н. Н. Акимовой; подготовка текста остальных писем, комментарии к ним и к письмам П. С. Усову, а также перевод с польского писем А. Г. Киркору, М. Малевскому, Ф. С. Малиновскому и А. В. Старчевскому А. И. Рейтблата

Б90 «Благо разрешился письмом...»: Переписка Ф. В. Булгарина / Сост. А. И. Рейтблат; подгот. текста и коммент. Н. Н. Акимовой и А. И. Рейтблата. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 816 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-2576-1

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) — одна из ключевых фигур русских журналистики и литературы второй четверти XIX века. В книге собрана его официальная, деловая и дружеская переписка, которая дает представление об условиях, в каких действовал в николаевской России журналист и литератор, о взаимодействии Ф. В. Булгарина с цензорами и властями, а также о его отношениях с коллегами, в том числе о редакционной кухне «Северной пчелы» — издаваемой Ф. В. Булгариным совместно с Н. И. Гречем самой распространенной и влиятельной газеты того времени. Среди корреспондентов Булгарина такие фигуры, как А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, Н. А. Полевой, М. П. Погодин, М. Н. Загоскин, Н. В. Кукольник, Н. И. Греч и многие другие, в том числе историки, писатели, журналисты, цензоры и чиновники.

УДК 821.161.1(092)Булгарин Ф.В.
ББК 83.3(2)52дБулгарин Ф.В.ю14

На 1-й ст. обложки портрет Ф. В. Булгарина из альманаха «Сто русских литераторов» (СПб., 1841. Т. 2).

На 4-й ст. обложки фрагмент портрета Ф. В. Булгарина работы В. Ф. Тимма из журнала «Русский художественный листок» (1853. № 4).

© Н. Н. Акимова, предисловие, комментарии к письмам, 2025

© А. И. Рейтблат, составление, предисловие, комментарии к письмам, 2025

© Е. Поликашин, дизайн обложки, вкладка, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

Содержание

Н. Н. Акимов, А. И. Рейтблат.

Переписка Булгарина: прагматика, поэтика, сохранность 5

Переписка с историками

Текст Коммен-
 тарии

Переписка Ф. В. Булгарина и К. Ф. Калайдовича	30 . . .	530
Письма А. О. Корниловичу	41 . . .	536
Переписка Ф. В. Булгарина и И. Лелевеля	43 . . .	538
Письмо А. М. Фадееву	74 . . .	554
Письма П. М. Строеву	75 . . .	554
Переписка Ф. В. Булгарина и П. А. Муханова	77 . . .	555
Письма М. П. Погодину	81 . . .	563
Письма А. В. Висковатову	90 . . .	563

Переписка с литераторами

Переписка Ф. В. Булгарина и Ф. Н. Глинки	93 . . .	565
Переписка Ф. В. Булгарина и А. Ф. Воейкова	97 . . .	568
Переписка Ф. В. Булгарина и К. Ф. Рылеева	110 . . .	576
Переписка Ф. В. Булгарина и А. С. Пушкина	117 . . .	577
Переписка Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого	121 . . .	579
Переписка Ф. В. Булгарина и М. Н. Загоскина	131 . . .	587
Письма А. С. Грибоедову	135 . . .	588
Переписка Ф. В. Булгарина и В. А. Ушакова	139 . . .	590
Переписка Ф. В. Булгарина и Н. В. Кукольника	145 . . .	596
Письма А. Г. Киркору	150 . . .	602
Письмо А. В. Шереметеву	161 . . .	608
Письмо В. В. Толбину	163 . . .	609
Письмо Г. П. Данилевскому	164 . . .	611

Письма сотрудникам «Северной пчелы»

Письма Н. И. Гречу	166 . . .	611
Письма И. П. Быстрову	179 . . .	618

Письма Р.М. Зотову	183 . . . 619
Письмо А.А. Стойковичу	208 . . . 634
Письма П.С. Усову	208 . . . 634
Письмо П.Р. Фурману	320 . . . 667

Переписка с цензорами

Письма П.И. Гаевскому	322 . . . 667
Письма К.С. Сербиновичу	325 . . . 668
Письма А.В. Никитенко	326 . . . 669
Письмо А.Н. Очкину	349 . . . 675
Письма М.А. Дондукову-Корсакову	350 . . . 676
Переписка Ф.В. Булгарина и В.И. Панаева	356 . . . 679
Письма Г.П. Волконскому	358 . . . 680
Письмо П.М. Волконскому	361 . . . 685
Письмо М.Н. Мусину-Пушкину	363 . . . 686
Письмо в Санкт-Петербургский цензурный комитет	364 . . . 687
Письмо А.Л. Крылову	365 . . . 687
Письма И.И. Срезневскому	367 . . . 688

Переписка с чиновниками

Переписка Ф.В. Булгарина и Н.М. Лонгинова	372 . . . 690
Письма Д.П. Руничу	374 . . . 691
Переписка Ф.В. Булгарина и А.М. Римского-Корсакова	377 . . . 692
Письмо в Высочайше учрежденный комитет Главной дирекции императорских театров	379 . . . 693
Переписка Ф.В. Булгарина и Я.И. Ростовцева	381 . . . 694
Письма П.Д. Киселеву	384 . . . 695
Письмо А.А. Закревскому	387 . . . 696
Письмо И.Ф. Мойеру	391 . . . 697
Донесение Нарвской городской полиции	392 . . . 698
Письма Л.А. Перовскому	394 . . . 698
Письмо С.А. Кокошкину	399 . . . 699
Письмо С.А. Юрьевичу	403 . . . 700

Переписка с книготорговцами и издателями

Письмо П. И. Кеппену	405 . . . 700
Переписка Ф. В. Булгарина и И. Т. Лисенкова	406 . . . 700
Письмо И. Теряеву	413 . . . 702
Письмо И. И. Глазунову	414 . . . 703
Письмо К. К. Краю	415 . . . 703
Письма А. В. Старчевскому	417 . . . 704

Переписка с друзьями

Переписка Ф. В. Булгарина и А. А. Воейковой	421 . . . 707
Переписка Ф. В. Булгарина и А. Я. Стороженко	422 . . . 708
Письмо Е. А. Бестужевой	467 . . . 723
Письмо М. Малиновскому	468 . . . 724
Письмо И. С. Менжинскому	470 . . . 724
Письма Н. И. Шенигу	471 . . . 725
Письма В. А. Стороженко	487 . . . 729
Письмо Ф. С. Малевскому	495 . . . 733

Письма знакомым

Письма И. Ф. Маковкину	497 . . . 733
Письма А. Н. Пещурову	503 . . . 734
Письмо Ф. П. Толстому	506 . . . 734
Письма С. П. Меняеву	508 . . . 735
Письмо В. Г. Жукову	509 . . . 735
Письмо М. С. Куторге	509 . . . 735
Письма Н. А. Степанову	510 . . . 736
Письмо П. В. Хавскому	511 . . . 736
Письма И. П. Липранди	513 . . . 737

Приложения

Дарственные надписи Ф. В. Булгарина на своих публикациях	519
Указатель опубликованных и хранящихся в архивах писем Булгарина	524
Комментарии	530
Указатель периодических изданий	743
Указатель имен переписки	748
Список условных сокращений	804
Список иллюстраций	805

Переписка Булгарина: прагматика, поэтика, сохранность

I

Первую треть своей жизни Фаддей Венедиктович Булгарин посвятил армии (учился в кадетском корпусе, а затем воевал, причем сначала в российских, потом во французских войсках). Но потом он нашел свое истинное призвание в журналистике и остальные две трети жизни печатался в газетах и журналах. При этом он ориентировался прежде всего на публику, а не на круг немногих избранных. Такая ориентация объясняет, почему его публикации представляли собой, по сути, письма, обращенные к читателям. Булгарин стал первым русским фельетонистом, в фельетонах он беседовал с читателями, а нередко включал их письма в свои фельетоны или отвечал на их вопросы. Кроме того, он часто обращался к письму как журнальному жанру. Это могли быть литературные тексты, стилизованные под письма и подписанные псевдонимом¹, но чаще они представляли собой статьи в форме писем, нередко обращенные к конкретному адресату².

Помимо писем, предназначенных для печати, Булгарин писал массу писем делового и дружеского характера. Прежде всего, это было связано с его работой: в течение многих лет редактируя газету, он должен был постоянно общаться с сотрудниками

¹ См., например: Письмо от читателя «Отечественных записок» к издателю «Северного архива» // Литературные листки. 1823. № 2. С. 25–26. Подп.: Архип Фаддеев; Письмо копииста Мирона Бульбулькина к издателям, о премудрости и суеде мира сего // СП. 1831. № 196–198, 227, 228. Подп.: Архип Фаддеевич; Письмо жителя кометы Белы к жителю Земли // СП. 1832. № 255; Письмо го-меопата Прудеуса к знатоку египетских иероглифов Барону Брамбеусу: О дешевой премудрости // СП. 1833. № 286.

² См., например: Письмо к приятелю о наводнении, бывшем в С.-Петербурге 7 ноября 1824 года // Литературные листки. 1824. № 21/22. С. 65–81; Об увеселениях столицы: Письмо в Либаву, к Ал[ексею] Никит[ичу] Пешурову, от 25 августа 1827 // СП. 1827. № 103; Письмо из Карлова на Каменный остров // СП. 1830. № 91; Письмо к В. А. Ушакову, из Дерпта в Москву, от 16 октября 1831 // СП. 1831. № 241–243; Письма о русской литературе. Письмо I (к В. А. Ушакову, в Москву) // Сын Отечества и Северный архив. 1833. № 1. С. 45–51; Письмо с дороги: ни о чем: (К доброму моему доктору Игн[атию] Як[овлевичу] Яроц[кому]) // СП. 1839. № 142; Tutti frutti: (Письмо Ф. Б. к Н. И. Гречу, за границу) // СП. 1843. № 132–134, 150, 151; Письмо к старым боевым товарищам // СП. 1851. № 282.

редакции. Однако в 1828 г. он купил имение под Дерптом и уезжал туда в конце весны, а возвращался в начале осени (а в 1831–1837 гг. жил там почти безвыездно). Но и в Петербурге он переписывался с членами редакции либо с помощью посыльных, либо (с 1833 г.) с помощью городской почты. Он посылал свои тексты, отредактированные чужие статьи, обсуждал публикации в газете, давал советы, как лучше провести материал через цензуру, выбирал статьи для перевода и т. д. Переписывался он и с авторами, материалы которых принимал либо отказывал в публикации. Велась переписка и с читателями.

Кроме того, Булгарин печатался в других изданиях, выпускал книги и т. п. Соответственно, нужно было переписываться с составителями, цензорами и издателями. Особенно активной была переписка с цензурными инстанциями: Булгарин убеждал пропустить ту или иную статью, либо минимизировать цензурные замечания, либо не наказывать за ту или иную вызвавшую нарекания публикацию. Много приходилось писать в III отделение, добиваясь поддержки в том или ином вопросе или согласуя печатание того или иного материала.

Нужно отметить и многочисленные просьбы Булгарина за других людей, чаще всего за земляков из Великого княжества Литовского (в просторечии называемого Литвой), где Булгарин родился и где посещал Виленский университет, или за знакомых по Дерпту. Приходилось писать и по бытовым вопросам: хозяину дома, где он жил, чайному фабриканту с просьбой прислать чай и т. п.

Наконец, Булгарин служил (сначала в Министерстве народного просвещения, потом в Комиссии коннозаводства), и хотя его обязанности там были минимальны, но все же время от времени он получал задания, а потом отчитывался в их выполнении.

Булгаринские письма дают богатый материал для понимания ситуации журналиста в Николаевской России, работы цензуры, редакционной кухни «Северной пчелы», взаимоотношений Булгарина с коллегами (историками, писателями, журналистами), его личности и т. д.

Однако переписка Булгарина сохранилась в очень небольшой части. Особенно это касается писем ему. Архив его, где он хранил полученные письма (копий своих он, судя по всему, не оставлял), находился в его имении Карлово. Ряд материалов из

булгаринского архива в 1870-х — начале 1880-х его сыновья Болеслав и Владислав предоставляли для публикации в «Русской старине», но это были публикации, не связанные с самим Булгариным³. Его письма постоянно печатались в различных изданиях, сложнее обстояло дело с письмами ему. Н. К. Пиксанов, учившийся в Дерптском университете в 1898–1904 гг. (с перерывом), получил разрешение внука Булгарина Вячеслава Болеславовича на копирование материалов из булгаринского архива и опубликовал в «Русской старине» две подборки писем Булгарину⁴. До этого там была помещена еще одна большая подборка, в которой публикатор не был указан⁵. Вероятно, ее тоже подготовил Пиксанов, но в это время он находился в ссылке, поэтому его фамилию могли опустить.

После смерти Булгарина имение унаследовала жена, а после ее смерти (1889) его сын Болеслав, который через год умер. Библиотека и архив Булгарина хранились в семье, в Карлове, но в 1870 г. наследники продали 139 томов Дерптскому университету, а в 1919 г., после захвата города красными, часть библиотеки была разграблена, а часть передана на хранение в университетскую библиотеку и в дальнейшем приобретена ею. Книги (около 2000 томов) и сейчас находятся в фонде библиотеки Тартуского (бывшего Дерптского) университета⁶. Библиофил Юлий Генс, который участвовал в спасении булгаринской библиотеки и передаче ее университету⁷, ничего не пишет о судьбе архива,

³ См.: Рылеев. Материалы для истории литературы // Русская старина. 1871. № 1. С. 64–113; Войнаровский, поэма в двух частях. Сочинение К. Ф. Рылеева // Там же. № 4. С. 485–524; «Насильный брак», рыцарская баллада 1845 г. [Е. П. Ростопчиной] // Там же. 1872. № 2. С. 296–299; Записка императора Николая Павловича барону Вревскому 1854 г. // Там же. 1872. № 11. С. 605–606; Персия и персияне. Донесение А. С. Грибоедова. 1827 г. // Там же. 1873. № 6. С. 799–814; [Записка графа Н. И. Панина о воспитании великого князя Павла Петровича. 1760 г.] // Там же. 1882. Т. 11. С. 315–320.

⁴ Из архива Ф. В. Булгарина / Сообщил Н. Пиксанов // Русская старина. 1903. № 12. С. 601–609; 1905. № 4. С. 204–215.

⁵ Из архива Ф. В. Булгарина (Письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. № 2. С. 383–408.

⁶ Подробнее о библиотеке Булгарина и ее судьбе см.: Воробьева Н. П. О круге чтения Булгарина // Чтение в дореволюционной России. М., 1995. Вып. 2. С. 79–90.

⁷ См.: Генс Ю. Б. Заметки библиофила // Книга: исследования и материалы. М., 1990. Сб. 60. С. 225.

хотя вряд ли он тогда не подумал о нем. Так или иначе, позднее письма Н. И. Греча всплывали и приобретались собирателями (в частности, Ю. Г. Оксманом) и государственными архивохранилищами.

Летом 1940 г., когда Эстония была присоединена к СССР, а «буржуазные элементы» подвергались репрессиям, внук Булгарина Вячеслав Болеславович, который владел имением, был 7 августа арестован, а 5 ноября 1940 г. Верховным судом ЭССР приговорен к высшей мере наказания за участие в белом движении⁸. Дальнейшая судьба булгаринского архива неизвестна.

Эстонская исследовательница Малле Салупере писала в 2000 г., что «молодое поколение [Булгариных] личностью прадеда и старыми бумагами не интересовалось, не имело даже представления о существовании какого-то архива. Ныне живущие дети помнят только, что в комнате был небольшой шкаф, в ящике которого были какие-то старые бумаги и письма. Они предполагали, что их мог забрать КГБ при аресте отца, Вячеслава Болеславовича (1881–1941), летом 1940 г. Так об этом неоднократно писали, в т. ч. и я. Однако следов об этом изъятии в личном деле В. Б. Булгарина нет, там перечислены только его личные документы (копию этой части следственного дела В. Б. Булгарина мне в 1989 году предоставили из таллиннского отдела КГБ)»⁹.

Один из авторов этого предисловия, А. И. Рейтблат, тоже отправлял запрос по этому поводу в 1996 г., но получил ответ, что «Центральный архив ФСБ РФ сведениями в отношении Булгарина и о судьбе его архива не располагает. <...> Рекомендуем обратиться в соответствующие органы Республики Эстония»¹⁰. Круг замкнулся.

К счастью, многие письма Булгарину сохранились в виде копий (отпусков), которые оставляли себе авторы писем. Любопытно, что в основном это были историки (К. Ф. Калайдович, И. Лелевель) или чиновники, которые писали Булгарину по долгу службы, а их переписка оставалась в канцелярских делах.

⁸ См.: http://russianestonia.eu/index.php?title=Булгарин_Вячеслав_Болеславович

⁹ Салупере М. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн, 2000. С. 157.

¹⁰ Письмо от 13 ноября 1996 г. № 10/A-5524.

II

Эпистолярное наследие Булгарина несет черты переходной эпохи, которая характеризуется, с одной стороны, унаследованным от риторической практики XVIII в. строгим разграничением типа эпистолярных текстов по назначению, а с другой — вследствие карамзинской реформы языка и стиля — вовлечением в сферу литературы явлений быта, среди которых одно из важных мест заняло письмо, из бытового документа переместившееся, по словам Ю.Н. Тынянова, «в самый центр литературы»¹¹.

Для переписки Булгарина, человека, реализовавшего в своей жизни целый набор различных социальных ролей: русский, а затем польский офицер, ходатай по делам, журналист, критик, издатель, популярный писатель, консультант III отделения, прибалтийский помещик и проч., — характерна многонаправленность эпистолярных стратегий. Его письма принадлежат разным уровням коммуницирования: официальному и профессионально-деловому, дружескому и бытовому. Прагматика булгаринского эпистолярия соответственно обусловила не только большое число адресатов, но и широкий жанровый репертуар: наряду с развернутыми дружескими и профессионально-деловыми письмами — письма-просьбы и письма-поручения делового и бытового характера, жалобы на оппонентов и цензоров, ходатайства о помощи друзьям и родственникам, сообщения с информацией по тому или иному поводу, ответы на просьбы и т.д.

При этом письма Булгарина в значительной степени определяются личностью адресата, что существенно влияло на стиль писем и постановку (в терминологии русских формалистов) авторского лица. Так, зачин письма Пушкину выдержан в узнаваемом арзамасском стиле: «Писал я к Вам на обертке “Талии”, а наконец решился написать на особой бумажке, и начинаю благодарностью за присылку стихов на зубок “Пчеле”. — А где зубы у Пчелы? спросите — у Хвостова, который сотворил голубей с зубами <...>»¹². Выразительный пример — два письма А.Я. Стороженко

¹¹ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М., 2002. С. 181.

¹² С. 119 настоящего издания. В дальнейшем ссылки на него даются в тексте в скобках.

с интервалом в один день, от 14 и 15 мая 1844 г., которые реализуют две различные стилистические стратегии: первое носит подчеркнуто официальный характер, второе, по обыкновению дружеское, поясняет причины появления первого, а вместе — создают некий единый эпистолярный сюжет.

Прививку культуры переписки Булгарин получил в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, обучение в котором предполагало овладение эпистолярными навыками с помощью писемников и справочников, включавших образцы писем разных типов. Эта методика оставалась актуальной еще несколько десятилетий и была хорошо знакома Булгарину: вновь поселившись в Петербурге после окончания Наполеоновских войн, он заново осваивал русский литературный язык с помощью Н. И. Греча, ставшего для Булгарина главным авторитетом в русском языке. За год до их знакомства Греч выпустил учебник словесности, содержащий в том числе правила сочинения писем и образцы¹³, а Булгарин позднее опубликовал на него рецензию¹⁴. Как любой образованный дворянин, к тому же начитанный, Булгарин владел правилами и навыками создания эпистолярных текстов с неизменным набором формул приветствия и прощания и проч. Нельзя не заметить при этом значительную свободу Булгарина в пользовании правилами, умение подчинять их себе для достижения авторской цели.

Так, письма Булгарина властям, в официальные инстанции подчиняются риторическим правилам, диктующим стиль подобных писем. Тем не менее вряд ли можно утверждать, что в них выдержан необходимый нейтральный тон. Темперамент Булгарина нередко находил выход в подобных признаниях: «Ваша доброта, Ваше снисхождение, Ваша деликатность со мною — совершенно поработили меня — и нет той жертвы, на которую бы я не решился, чтоб только доказать Вам мою привязанность!» (Л. В. Дубельту: Видок Фиглярин, с. 476). Особенно выразительна эмоциональная шкала в письмах, связанных с вопросами цензуры, — проводя публикации в печать, Булгарин мог доходить до мольбы и самоуничтожения: «Отец родной! Молюсь: “Господи,

¹³ См.: Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе. СПб., 1819. Ч. 1. С. 52–195.

¹⁴ См.: Булгарин Ф. Письмо к А. Ф. Воейкову // Вестник Европы. 1821. № 7/8. С. 206–225.

спаси люди твоя и благослови достояние твое!» (А.В. Никитенко, с. 343). Однако письмо в цензурный комитет с жалобой на критику, подрывающую его репутацию, несмотря на именование «покорнейшей просьбой», полно ничем не сдерживаемых гневных обличений и требований защиты. Грубое письмо цензору П.И. Гаевскому, в котором Булгарин признавался, что обида и гнев не позволяют ему не только выдержать требуемые правила деловой переписки, лишая его «присутствия духа», но и «писать связно и высказать все, что бы хотел» (с. 324), заставило Гаевского просить освободить его от обязанностей цензора «Северной пчелы» и «Сына Отечества».

Таким образом, согласно классификации Греча, стиль булгаринских официальных писем, в том числе его записок в III отделение, допускающих эмоциональную раскованность, близок к художественно-публицистическому, или стилю «литературных писем», — во всяком случае очевидно, что это стиль, отражающий личность профессионального литератора.

Профессиональная переписка Булгарина составляет основной массив его эпистолярия, при этом она реализуется чаще всего в жанре дружески-профессионального письма — оба начала тесно переплетены, поскольку дружеский круг Булгарина в значительной мере литературный. Стилистическая манера таких писем сложилась не сразу.

Любопытно в этом отношении написанное не ранее сентября 1820 г. письмо к А.Ф. Воейкову — оно дает возможность увидеть начало поисков Булгариным не только эпистолярного, но и литературно-критического стиля, поскольку текст письма представляет собой развернутый критический отзыв на опубликованный Воейковым отрывок из его поэмы «Искусства и науки». Такое письмо, вписываясь по своей установке в эпистолярную арзамасскую традицию, совмещавшую дружеское письмо и письмо профессиональное, предназначалось для чтения в дружеском кругу и могло быть опубликовано¹⁵. Отличительной чертой булгаринского

¹⁵ См. об этом: Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX века [1926] // «Младоформалисты»: Русская проза / Сост. Я. Левченко. СПб., 2007. С. 32–53; Todd III У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / Пер. с англ. И.Ю. Куберского. СПб., 1994. С. 11–12.

критического опуса является четко обозначенная авторская идентификация: «...я поляк, пишу не для публики, а единственно для вас» (с. 99). Собственно, с этим и связана главная авторская интенция, несмотря на, казалось бы, сугубое внимание к вопросам поэтики и стиля. Свой разбор Булгарин погружает в европейский литературный контекст: наряду с Делилем, которому подражал Воейков, в булгаринский критический отзыв вовлекаются имена Мольера, Буало, Расина, А. Тома и Ш. Колардо, в этом же контексте оказывается и А. Нарушевич, чью оду при анализе Булгарин дает в своем вольном прозаическом переводе, восклицая: «Вот поэзия!» На этом этапе Нарушевич — важный элемент самоидентификации Булгарина как польского литератора в имперской столице.

Профессиональная самоидентификация — один из устойчивых мотивов булгаринской деловой и дружеской переписки на протяжении всей его жизни: «Издаю журнал для того, чтоб приготовить для себя имя во Франции, чтобы по приезде моем, представляя, сказали: “C’est M-r de Bulg[arin] Redacteur des archives du Nord et du feuilleton litteraire¹⁶, etc.¹⁷»» (с. 169); «Вы не можете определить: кто я таков в литературе? беллетрист и только» (с. 127).

Проделав путь от польского офицера и журналиста до известного русского писателя, Булгарин сохранил декларируемую в письмах и печатно приверженность к просвещенному европеизму, предполагающему ведущую роль прессы в формировании общественного мнения, профессионализм в литературно-журнальном деле. Иллюстрирующий эти положения богатый материал содержится в письмах Булгарина к сотрудникам «Северной пчелы». Так, в письмах к театральному рецензенту газеты Р. М. Зотову, предостерегая от ошибок, способных повредить газете (суждений о вопросах, находящихся в ведении Дирекции императорских театров, критических оценок постановок, получивших высочайшее одобрение и проч.), Булгарин, не соглашаясь с Зотовым, терпеливо разъясняет свою позицию, при этом не прибегая к запретам. Опровергая суждение Зотова, что «только

¹⁶ «Это господин Булгарин, редактор “Северного архива” и “Литературных листков”, и т. д.» (фр.).

¹⁷ и т. д. (лат.).

художники могут судить художников», он констатирует, что этим ниспровергается «все здание критики», которое он, Булгарин, «лепил в течение 20 лет!», и здесь же возражает против антиевропейской позиции Зотова (с. 189).

Стилистическую поддержку позиция Булгарина получает в опоре на европейские культурные авторитеты и на так называемое чужое слово: цитатность, стремление «подписать» (О.И. Сенковский) свой текст иностранными словами, нередко тут же приводя русскоязычный эквивалент, — устойчивые приметы булгаринского эпистолярного стиля, характерные и для его критики и журналистики. В.А. Мильчина справедливо полагает, что «эта “словарная” стратегия — индивидуальная булгаринская форма европеизации. Стратегия оригинальная и редкая»¹⁸. Диапазон цитат и реминисценций в письмах Булгарина — от Античности, Библии и Шекспира до ходящей в списках сатиры Воейкова «Дом сумасшедших». Игра с «чужим словом», цитатой и реминисценцией корреспондирует с главной стилистической тенденцией в культуре переписки первой половины XIX в. — ориентацией письма на свободную разговорную речь. В то же время в деловой переписке цитата могла быть источником аллюзий, создающих необходимый подтекст. Такова цитата из любимого Булгариным Тацита¹⁹ в письме о цензурных запретах: «Особенно велик Елагин! — Он всеми силами стремится к тому, чтоб с нами сбылось то, что Тацит говорит о римлянах (в “Жизни Агриколы”, на 1 стр.): “Memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus”²⁰ etc.» (М.С. Куторге, с. 510).

¹⁸ Мильчина В.А. Французский язык и критика перевода в статьях Булгарина из «Северной пчелы»: «словарная стратегия» // Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик: сб. статей. М., 2019. С. 167.

¹⁹ См. о подобной риторической стратегии Булгарина в нашей работе: Акимова Н.Н. От Сократа к Тациту: античность в «Воспоминаниях» Ф.В. Булгарина // Акимова Н.Н. Литератор Фаддей Булгарин: творчество, репутация, культурный миф. СПб., 2022. С. 447–470.

²⁰ Булгарин цитирует последнюю фразу фрагмента сочинения Тацита «О жизни и характере Юлия Агриколы», которая завершает размышление о преследовании писателей и запрете книг: «...нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (пер. А.С. Бобовича).

Деловая переписка Булгарина охватывает широкий круг вопросов, связанных с организацией профессионального литературно-издательского дела: от споров о концепции газеты или журнала, характера помещаемых материалов, обсуждения цензурных и финансовых вопросов до технических вопросов о качестве печати, доставке материалов (Булгарин и Греч называют весь этот комплекс вопросов по изданию газеты и журналов одним словом — «механизм») и, наконец, личностных взаимоотношений участников, в которых есть место претензиям, обидам, сплетням — всему, что принято называть «литературным бытом».

Комплекс писем к многолетним сотрудникам «Северной пчелы», таким как Р. М. Зотов (1842–1847) и П. С. Усов (1850–1859)²¹, позволяет увидеть «внутреннюю кухню» издания газеты и в то же время выявить устойчивые элементы профессионально-деловой переписки Булгарина. Главное место в письмах Булгарина занимает обсуждение границ возможного — отношение к цензурной, эстетической и проч. норме, то есть «проходимость» газетных текстов. Иногда его письма носят характер своего рода редакторских совещаний, в которых он дает профессиональные советы. Профессионализм Булгарина сказывается в конкретности и точности его советов. Так, говоря о претензиях к фельетонам В. Р. Зотова — начинающего журналиста, сына Р. М. Зотова, Булгарин кратко определяет жанровую специфику фельетона и дает буквально пошаговую инструкцию по созданию фельетонной статьи (с. 206).

По сути, профессионально-деловая переписка все время возвращается к двум важнейшим темам: публика и цензура.

Булгарин не устает напоминать своим адресатам об ориентации газеты на публику, ее предпочтения. За требованиями разнообразия материалов, внимания к пусть незначительному, но своему прочитывается позиция Булгарина-журналиста, его представление о месте частной газеты на журнальном рынке: «...хоть мелочи да свои, и их-то надобно побольше» (там же). Он убежден, что конкурентоспособной частную газету могут сделать написание оригинальными материалами (а не взятыми из других изданий), помещение литературных и критических статей, полемическая острота и легкость стиля: «Ах, боже мой! — Надобно же

²¹ Сохранилось более двухсот писем Булгарина к Усову.

движение, трение, качка — чтоб не было застоя!» (Р.М. Зотову, с. 205). Переписка Булгарина с соредакторами Гречем и Усовым обнажает весь драматизм ситуации, обусловленный столкновением различных концепций периодического издания. Любопытно, что в последние годы своей профессиональной деятельности Булгарин, несмотря на «просвещенный европеизм», конфликтуя с Гречем, репрезентирует себя в письмах как русофила, поскольку такова, по его мнению, публика: «Аз же, грешный, принадлежу к *русопета*м, к *лапотникам*, то есть к 99 частям читателей (платящих) “Северной пчелы”» (с. 228).

Цензурные препятствия — не только постоянная, но и, пожалуй, самая болезненная тема деловой переписки Булгарина, в особенности (в силу степени ответственности) с Гречем. В письмах видны осторожность и здравомыслие Греча и стремление идти на риск Булгарина: редактировавший «Северную пчелу» в последние годы Усов отмечал, что Булгарин «вообще действовал смелее Греча по отношению к цензуре, отстаивая статьи, жаловался председателю цензурного комитета, шел напролом тогдашних цензурных препятствий»²². Сохранившиеся письма Зотову, Гречу, А.Ф. Орлову свидетельствуют, как тяжело воспринял Булгарин арест А.Н. Греча (выполнявшего редакторские обязанности), спровоцированный булгаринским фельетоном. Гнев и обида Булгарина вызваны и тревогой за слабого здоровьем сына Греча, и чувством невольной собственной вины, и сознанием профессиональной незащищенности журналистов.

Эмоционально-стилистическая шкала профессионально-деловой переписки Булгарина довольно велика. Несмотря на неоднократные заверения в толерантности к чужому мнению, он непоследователен и не всегда бывает верен декларируемому в письмах к сотрудникам советам и рекомендациям. В профессиональной переписке Булгарин весьма эмоционален, любит вычурные сравнения и энергичные фразы: «Вы меня так мало знаете, как я мало знаю меккского имама! На меня может действовать [директор императорских театров] Гедеонов!!! Тьфу ты пропасть — до чего я дожил — что меня можно подозревать в этом! <...> Черт побери!

²² Усов П. С. Ф. В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни (1850–1859 гг.) // Исторический вестник. 1883. № 8. С. 288.

Стоит ли честным людям ссориться и расставаться из-за литературных дразгов!» (Р. М. Зотову, с. 191–192). Взвешенно оценить резкую эмоциональную реакцию Булгарина, его позицию и порой рискованную редакторскую тактику можно лишь при контекстуальном учете конкретных обстоятельств. К примеру, такой комментарий, проливающий свет на обстоятельства, обусловившие столь резкую эмоциональную реакцию, сарказм и грубость («подлейшая интрига», «чистое сводничество», «дрянь и сволочь»), необходим к письму, в котором Булгарин, грозя гневом публики, раскрывает, как он полагает, глаза Зотову на историю с приглашенной выступать в Петербурге певицей Ассандри (с. 195–196), которой покровительствовал сам Николай I.

Определенная конвенциональная рамка для обсуждения общественно-политических и литературных тем способствовала созданию специфического условного языка участников переписки — возникшие в профессиональной среде наряду со сленговыми словечками окказионализмы и клички: «я неспособен к воейковщине» (с. 169); «просто смешно — или, говоря языком “Отеч[ественных] записок”, *ридикюльно*» (с. 205); «Песец дурак — но добрый малый!» — об И. П. Песоцком (с. 201–202); в письмах Н. И. Шенигу император упоминается как «папенька» (с. 480), а С. С. Уваров — как «Увар-паша» (с. 479). Язык умолчаний и намеков, выработанный в профессионально-дружеской переписке, переключался в письма собственно литературные. В «Ливонских письмах» Булгарин, намекая на историю с неудовлетворенными жалобами Греча на обер-полицмейстера С. А. Кокошкина (из-за ареста А. Н. Греча), обращался к своему соредактору: «Вот мы снова на руле нашей утлой ладьи! Вполне доверяю твоему искусству и опытности, но грунт на дне нашего моря изменчив <...> Встречая в плавании ластовые суда с огромным грузом мусора, не задевай их, они тяжело нагружены, следовательно, имеют вес и могут повредить нашей легкой ладье. Бывало, встречаясь с ними, мы кричали весело: “Посторонись, мусор!” А теперь советую самому посторониться»²³. Намек был услышан — и Булгарин получил через Дубельта выговор от А. Ф. Орлова.

²³ Булгарин Ф. Ливонские письма. II (К Николаю Ивановичу Гречу) // СП. 1846. № 151. 9 июля.

III

Дружеское письмо Булгарина, нередко тематически и стилистически близкое к профессионально-деловому, как правило, многомерно и многоаспектно. Таково, к примеру, письмо Шенигу от 7 февраля 1844 г. В нем целый спектр общественно-политических тем: догадка о грядущей отставке министра финансов Е. Ф. Канкрин; борьба Булгарина против цензурных притеснений (которые исходили от попечителя Петербургского учебного округа Г. П. Волконского, министра народного просвещения С. С. Уварова, А. Х. Бенкендорфа и императора); низкий моральный облик столичного студенчества; сообщение о заказанном новом издании Кюстина и заверения, что хранение этого издания не несет никакой опасности адресату письма. И все эти сообщения прослаиваются вестями о жестоких петербургских морозах, об эпидемии гриппа в столице и болезни детей Булгарина, о масленичном вечере с живыми картинами и танцами у великого князя Михаила Павловича, о предстоящем выходе статьи Булгарина, о жизни в Дерпте и проигрыше в преферанс. В итоге в письме встречаются министр финансов и гастрономический рецепт по приготовлению посылаемой наваги.

Казалось бы, перед нами типичная модель дружеского письма, восходящая к арзамасской традиции. Тем не менее, при всей близости, дружеская переписка Булгарина имеет и существенные отличия от сложившихся в литературоведении представлений о дружеском письме первой половины XIX в., материалом для изучения которого служили письма Вяземского, Пушкина, А. Тургенева, реже Гоголя.

Булгарин откровенен и эмоционален в профессиональных вопросах, критических баталиях и тем более в дружеских взаимоотношениях, открыто демонстрируя в письмах чувства. Это одно из существенных отличий булгаринских писем от писем пушкинского круга, для которых характерна закрытая внутренняя жизнь. Л. Я. Гинзбург полагала, что внутренняя жизнь Батюшкова, Вяземского, как и «бурная эмоциональная жизнь Пушкина почти не оставили следов в их обширной переписке. Люди пушкинской поры в письмах легко сквернословили и с упорным целомудрием скрывали сердечные тайны. Они с удивлением и брезгливостью

отвернулись бы от невероятных признаний дружеской переписки 1830–1840-х годов»²⁴. Письма Булгарина, напротив, хранят следы многочисленных эмоциональных заверений и признаний в приязни, в дружбе-любви. Перед нами любопытный пример «литературной эволюции» приема (в терминологии Ю. Тынянова), перекочевавшего из сентименталистской традиции в эпистолярный более поздней эпохи, минуя новации пушкинского круга. (Вспомним существенное влияние сентиментальной традиции на раннюю прозу Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.) Булгарин льстит, когда просит Глинку о помощи: «...не откажите тому, который до гроба не перестает гласить, что я горжусь тем даже, что люблю вас столько, как ни один в целой России» (с. 94); дружески иронизирует, сравнивая себя с античной богиней Дианой, влюбленной в прекрасного Эндимиона (там же), однако это не помешало ему отправить довольно сухое письмо ссыльному Глинке, возможно, в силу сложившихся обстоятельств (предполагаемая перлюстрация). Еще более драматичен и выразителен, как известно, финал его многолетних дружеских взаимоотношений с Гречем, утешая которого в период неудач, Булгарин заверял: «Фаддей никогда не изменит тебе. Скорее солнце переменит течение, нежели я изменюсь в моих к тебе чувствах. В нужде постою за тебя жизнью и именем...» (с. 172–173).

В то же время неуживчивость и переменчивость булгаринского характера совмещались с умением при желании и необходимости восстанавливать и укреплять отношения, о чем свидетельствуют письма к М. Н. Загоскину. Дружеская переписка Булгарина с Н. И. Гречем, А. С. Грибоедовым, А. О. Корниловым, Н. В. Кукольниковым, К. Ф. Рылевым дает возможность увидеть готовые сюжеты человеческих отношений: восторженных обещаний, разрывов, ссор и примирений. Среди корреспондентов дружеской переписки Булгарина его знакомые со времен юности А. Я. Стороженко и В. А. Ушаков. Именно в переписке с ними можно видеть стремление Булгарина к рефлексии, исповедальности, попытку выстроить некий заверченный психологический характер. Таково, к примеру, носящее исповедальный характер письмо Булгарина Ушакову от 21 февраля 1827 г.,

²⁴ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 44.

восстанавливающее отношения спустя десять лет после их знакомства. Один из важнейших мотивов, включенных в построение авторского эпистолярного образа и в целом «литературной личности» в письмах Булгарина, — мотив зависти и вражды литературного окружения, в письме Ушакову он признается в желании завершить литературную карьеру. После этого письма они на долгие годы становятся друзьями и сотрудниками. Через год Ушаков соберется в Петербург, и Булгарин, приглашая друга остановиться у себя в доме, создает в письме заманчивый образ семейного дружеского круга, отделенного тем не менее от внешнего столичного мира, несмотря на его спокойствие и социальную гармонию: «Мы живем в Питере, как у Христа за пазухой. Тихо, смиренно, взяточники и мошенники кроются во мраке; честным и добрым защита. Только я решительно отказался от света и обществ светских. Я счастлив дома, в полном смысле слова. Несколько приятелей навещают меня — и время проходит в трудах и отдыхе» (с. 144). Способность увидеть в этом лишь «упоенную песнь торжествующей свиньи, которая съела правду без остатка»²⁵ выглядит все-таки изрядным преувеличением. Восстанавливая дружеские отношения с А.Я. Стороженко спустя много лет после знакомства, Булгарин вновь, как и в письме Ушакову, признается в безотрадных переменах, произошедших с ним за эти годы: «Живу, как живет осина и береза, с той разницей, что они молчат и не чувствуют, а я чувствую, глотаю желчь и молчу» (с. 428).

Письма к друзьям позволяют увидеть не только смену жизненных обстоятельств и настроений Булгарина, но и выработку принципов самовыражения человека постромантической эпохи. Нельзя не заметить, как отличаются, становясь эмоционально сдержаннее и точнее, процитированные исповедальные самохарактеристики Булгарина конца 1820-х — начала 1830-х гг. от более раннего признания: «Я весь составлен из недостатков и слабостей; чувствую и плачу иногда» (с. 169). Сохранившаяся переписка Булгарина с Гречем позволяет восстановить контекст их взаимоотношений, в том числе довольно бурных реакций Булгарина

²⁵ Комментарий Н.О. Лернера к процитированному письму (Русская старина. 1909. № 11. С. 357).

по разным поводам, дает богатый материал для наблюдения над складывающимися в письмах принципами самопрезентации, поисками языка, для фиксации «внутреннего плана» дружеских взаимоотношений. Взаимные обиды и оправдания составляют содержание писем не только темпераментного и эмоционального Булгарина, но и сдержанного Греча, дававшего в своем учебнике профессиональный совет в дружеских письмах «избегать *излишней* чувствительности, которая легко может сделаться приторною»²⁶. Любопытной и редкой чертой самохарактеристики Булгарина в письмах Гречу предстает образно называемое им «пуделевским проницанием» умение разбираться в людях, в хитросплетениях интриг (с. 172). Эту собственную черту позднее в своих мемуарах он атрибутирует Савари — главе наполеоновской тайной полиции. Симптоматична лексико-семантическая парадигма, в которую включается в мемуарном тексте «пуделевское проницание»: ловкость, полицейский ум, шпионство — то есть те самые качества, которые приписывались Булгарину его недругами.

На фоне переписки пушкинского круга отличительным моментом булгаринской эпистолярной саморепрезентации в дружеской переписке является открытое выражение семейных привязанностей, любви к жене и детям. Говоря о детях (и не только о своих), Булгарин сентиментален до приторности, его «купидончики», «ангельчики», «милушки» и «персички» заставляют вспомнить Макара Девушкина Достоевского. Однако порой трудно игнорировать реальный контекст подобных «сентиментальностей»: Булгарин и Греч поддерживают и утешают друг друга, когда первый «был в сумасшествии», узнав о тяжелой болезни своего трехлетнего сына Владислава, а второй в эти дни похоронил сына Николая; именно Булгарин забил тревогу в связи со смертельной болезнью другого сына Греча (Алексея) и вызвал друга в Петербург. Тема семьи в дружеской переписке Булгарина тесно связана с темой малого дома-усадыбы, «любезного Карлова», противопоставленного большому дому-отечеству, для которого он так и остался чужаком. Говоря о любви Греча к путешествиям, Булгарин признается: «...страсть для меня непостижимая и необъемлемая умом моим <...>. Расхаживая и разъезжая по Европе, я всегда думал:

²⁶ Греч Н. И. Учебная книга российской словесности... Т. 1. С. 56.

“Господи, дашь ли ты мне угол, где бы я мог сидеть спокойно!” <...> повторяю — что нигде не могу быть счастливым, как с семьей в моем Карлове» (с. 175).

Неудивительно, что в письмах Булгарина почти нет ни арзамасской словесной игры на эротическую тему, ни обценной, табуированной лексики и рискованных эвфемизмов сексуального характера, самое большее, что он себе позволяет, — шутливый эротический парафраз без излишней откровенности: «Вместо гор книг в богатых переплетах, которыми он окружен, желаю я ему хотя одну немочку в *ситцевом* переплете, но *тепленького содержания*, чтоб разогреть его сердечко...» (с. 476–477), и польскую поговорку в оправдание слабости покойного Бенкендорфа к женскому полу: «Поляки говорят: *lubi fartuszek* (т. е. любит передничек) — да и мы с тобой не гнушаемся под него заглядывать!» (Гречу, с. 175).

В построении эпистолярного автообраза место эротизма занимает «рыцарство» в польской оркестровке. Свидетельство тому — особая страница дружеской переписки Булгарина, его письма к А. А. Воейковой (по свидетельству Греча, Булгарин оказался в числе тех, кто был очарован Воейковой²⁷). Сохранившиеся два письма к ней хранят следы подчеркнутой эмоционально окрашенной почтительности. Пожалуй, именно в этих булгаринских письмах наиболее отчетливо дает о себе знать авторская интенция, названная Л. Я. Гинзбург «автоконцепцией»: «Человек знает, осознает все то, что в его душевной и физической жизни не подходит к идеальной модели, но он как своего рода художник отбирает и соотносит нужные ему элементы этой жизни, отодвигая другие, хотя и не изгоняя их до конца из сознания. Подобные автоконцепции с их скрытой эстетической потенцией не являются ни обманом, ни самообманом. <...> совершается не обман, а построение нужного образа»²⁸. В булгаринском письме Воейковой от 13 февраля 1821 г. выстраивается именно такой авторский образ — верного «рыцаря и вместе с тем почтительного и покорного слуги» прекрасной дамы, самой Александре Андреевне придаются идеальные черты: она «ангел доброты», вносящий в жизнь «веселье, утешение

²⁷ См.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 649.

²⁸ Гинзбург Л. Я. Указ. соч. С. 20.

и счастье». Булгарин вряд ли оригинален (что не отменяет искренности): сравнение Воейковой-Светланы с ангелом в это время было общим местом в поэтических посланиях, посвященных ей. Вписывая отношения с адресатом в литературный контекст, Булгарин вносит определенные обертоны в «автоконцепцию», призванные передать его смущение, смятение и восхищение, «почти божественное поклонение» той, чье внимание и доброте он, по собственному признанию, «не заслужил». «Святое имя дружбы» кодирует стиль второго письма, выстраивает авторский образ и образ адресата. Любопытно, что Булгарин подписывается как «ваш почитатель и ваше творение», что может вызвать недоумение, которое помогает понять признание другого поклонника Воейковой — Н. М. Языкова: «Забуду ль вас когда-нибудь / Я, вами созданный?» (К А. А. Воейковой (1824)). В итоге Воейкова — идеальный адресат письма и поэтического послания — обретает черты Музы и Пигмалиона, пробуждающего к творческой жизни своих поклонников. Однако Булгарину, как не раз случалось в его жизни, не удалось удержаться на высоте «рыцарского» и дружеского общения.

При всем многообразии тем булгаринской дружеской переписки можно обозначить некую семантическую и стилистическую доминанту, кодирующую эпистолярный, — это травма идентичности и связанные с ней мотивы предательства, зависти, неприятия чужака. Восходящие к ней вопросы национальной принадлежности проходят через всю дружескую переписку Булгарина: это обсуждение и польской идентичности в русском мире, и своего «руссизма» в немецком окружении Лифляндии. Тема национальной самоидентификации никогда не исчезает из переписки Булгарина и Греча: даже в ранние (лучшие) годы их дружбы, расстроенный и обиженный отношением к нему как к чужаку, Булгарин восклицал: «Я помню, что я живу между Вислою и Волгою, и довольно» (с. 171). Время от времени Греч язвительно отзывался о поляках, объясняя характер Булгарина его «сарматской башкой»²⁹ и называя «польским маньяком»³⁰, а Булгарин отвечает выпадами против немцев: «...как вещь немец бесподобен, как

²⁹ Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина. С. 369.

³⁰ Там же. С. 476.

человек — дрянь. — Есть исключения, this is exception! Но как редко эти исключения!» (с. 175). Эти споры обрели хотя и не явный, но публичный характер в полемике Булгарина и Греча о польских музыкантах братьях Контских, высоко оцениваемых Булгариным, — по крайней мере «немузыкальная» подоплека полемики была очевидна. Польский вопрос после восстания 1831 г. — сложная, болезненная и тем не менее самая устойчивая по своей частотности тема дружеской переписки Булгарина с А. Я. Стороженко. Защита польских интересов — языка, культуры, открытости для других регионов России, методы смягчения и привлечения поляков на правительственную сторону — все время в поле зрения булгаринских писем к Стороженко³¹.

IV

Отмеченные тематически-мотивные особенности дружеской переписки Булгарина корреспондируют с особенностями эпистолярной стилистики. По сравнению с профессионально-деловым письмом значительно расширяется диапазон включенной в дружеское письмо иноязычной лексики: наряду с преобладающими французскими словами и выражениями Булгарин активно пользуется заимствованиями из латыни, немецкого и польского языков. Немецкий язык нередко служит для характеристики остзейцев, воссоздает их живую речь. К польскому (поговорки, формулы вежливости и проч.) Булгарин обычно обращается в письмах к корреспондентам, в той или иной степени понимающим польский язык, — Кукольнику, Стороженко. В письмах корреспондентам, не знающим польского языка, Булгарин, как правило, дает перевод или русский эквивалент: «У поляков есть пословица: “Kraść milione, a kochać się w królownie”, т. е. уж если красть, то миллионы, а влюбляться, так в королеву!» (Гречу, с. 176).

Функции иноязычных включений многообразны — нередко в одном письме Булгарин может обращаться к разным языкам и разным культурным контекстам. Так, в попытке культурной

³¹ См. об этом: Акимова Н. Н. Дружеская переписка в зеркале эпохи // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. СПб., 2022. Вып. 63. С. 79–99.

и профессиональной самоидентификации он стремится разделить европейское в себе и в адресате от непросвещенного — восточного: «Но я неспособен к воейковщине и мелочам *азиатским* (verstehen?³²) <...> чтобы по приезде моем, представляя, сказали: “C’est M-r de Bulg[arin] Redacteur des archives du Nord et du feuilleton litteraire³³, etc.³⁴”» (Гречу, с. 169). Культурно-идентификационную функцию выполняют и апелляции к цитатам на языке оригинала, и французские поговорки. Потрясенный арестом А. Н. Греча, Булгарин обращается к Библии, немецкому и французскому языкам, обосновывая свою позицию как норму для европейца и христианина (с. 206–207).

Более сложным по составу по сравнению с профессионально-деловой перепиской оказывается и паремиологический и цитатно-реминисцентный план дружеской переписки, как и круг вызываемых им ассоциаций. Библеизмы и отсылки к Священному Писанию используются Булгариным как в иронической функции, подобно арзамасскому письму, так и в прямом смысле, в том значении, какой они имеют в источнике. Многочисленные литературные реминисценции в зависимости от установки создают свободный, близкий к разговорному, ироничный или обличительный стиль. (О лифляндцах: «Я им, как король Лир своим дочерям: *отдал мое царство* — т. е. сердце, а они в него просто накакали!» (с. 473).) Среди любимых цитат — неверно приписанные кронштадтскому знакомцу (возможно, впервые услышанные от него) А. Ф. Кропотову строки из В. К. Тредиаковского («Плюнь на суку, / Морску скуку!») и пословица «Варвара мне тетка, а правда сестра»; по словам П. А. Каратыгина (с неверным указанием в качестве источника романа Свифта), это была любимая поговорка Булгарина³⁵, он приводил ее в разных вариантах, в том числе перефразируя: «Я вас очень люблю, но Варвара мне тетка, а “Сев[ерная] пчела” — сестра!» (с. 191).

³² понимаешь? (нем.).

³³ См. примеч. 16.

³⁴ и т. д. (лат.).

³⁵ Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Ч. 1. С. 309. См. об этой пословице, в том числе у Булгарина: Кошелев А. В. «Варвара мне тетка, а правда сестра»: стернианская пословица в русской литературе // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 237–244.

Наряду с хорошо известными идиоматическими выражениями, в письмах Булгарина встречаются и более редкие. Так, он с обидой и ревностью пишет о новых друзьях Греча: «Я уже не умею говорить с тобой! — Сижу в горохе!»³⁶ (с. 176). Искушенный в русском языке, Греч оценит образность этого выражения, подхватит и не раз повторит в своих письмах. Не менее «выисканным» выглядит и устаревшее просторечное выражение в характеристике дерптского общества: «Все эти служаки на один солтык!» (с. 483). Точно так же, как в дружеской переписке пушкинского круга, при включениях чужого слова в эпистолярии Булгарина мы имеем дело со стилистической игрой, художественным приемом, направленным на создание ассоциативного эмоционально-смыслового поля. Смысловая емкость нередко достигалась сменой стилистических регистров в тексте письма. Стиль писем Булгарина энергичный и выразительный, допускающий ироническое обыгрывание пафоса или обрыв возвышенной риторики в иронию. Какие бы эмоции у нас ни вызывал отклик Булгарина на дуэль и смерть Пушкина, но ему нельзя отказать в экспрессии и запоминающейся лапидарности: «Корчил Байрона, а пропал, как заяц» (с. 439).

Влияние булгаринской эпистолярной манеры (близкой к стилистическому самоопределению его постоянного оппонента Вяземского как «наездничество пера»³⁷) на стиль Булгарина-критика и журналиста, автора газетных фельетонов несомненно. Главной приметой фельетонного стиля стала свободная форма письма, композиционно воссоздающая беседу, переходящая с одной темы на другую, дающая мимолетные, но запоминающиеся оценки явлениям и людям, с включением цитат и даже собственных поэтических импровизаций (к примеру, так откликнулся Булгарин на сообщение о смене руководства в департаменте Министерства просвещения (с. 483–484)).

³⁶ В. И. Даль приводит следующий вариант: «С твоим умом только в горохе сидеть пугалом» (*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1989. Т. 1. С. 382).

³⁷ *Вяземский П. А. Полн. собр. соч.*: В 12 т. СПб., 1878. Т. 1. С. XXXV. Поясняя это свойство, «которое можно назвать погрешностью, а можно назвать его и избытком», Вяземский склонялся к последнему (Там же. С. LVII). Ср. также упоминание Булгарина в контексте размышлений Вяземского о «залихватском» начале в критике (Там же. С. XLIV) и признание самого Булгарина, что свои статьи он пишет «сплеча», «прямо набело» (с. 141).

Переписка Булгарина существенно дополняет картину литературы своего времени, восстанавливая существенные детали литературных взаимоотношений и позволяя уточнить некоторые историко-литературные реалии.

Очевидно, что в предложенной русскими формалистами и их последователями типологии эпистолярия, выделяющей в качестве основных типов письма «архаистов» и письма новаторов-арзамасцев, письма Булгарина ближе к арзамасскому письму. С новаторским типом эпистолярия его письма сближает такое же «культивирование профессионального подхода к литературе, значение, придаваемое остроумному разговору, удачному каламбуру, экспромту и т. п., — атмосфера пародии (и на врагов, и на друзей)»³⁸. Немало точек соприкосновения в стилистике и поэтике писем Булгарина и с хорошо изученными письмами литераторов пушкинского круга более позднего этапа: это и «широкая ассоциативность повествовательных форм»³⁹; и «сознательное литературное отношение к материалу, выработка принципов самовыражения, <...> включение точки зрения адресата в структуру письма, <...> важность цитации, стилизации, иноязычия, пародирования, игры на столкновении нескольких контрастирующих тематических и стилистических планов»⁴⁰. По всей видимости, отмеченные тенденции не ограничиваются лишь дружеским кругом «Арзамаса» или пушкинским кругом и следует вести речь о большей подвижности эпистолярного стиля эпохи и большем диапазоне наметившихся стилистических тенденций в письмах первой половины XIX в. Очевидно, что письма Булгарина в неменьшей мере выполняли функции, сближающие их с журналистикой, критикой и публицистикой, точно так же активно участвуя в выработке литературного языка, значительно расширяя наши представления о том, как «стихия интеллигентской речи разрушала и сменяла книжную словесную семантику»⁴¹.

³⁸ Степанов Н. Л. Указ. соч. С. 39.

³⁹ Дмитриева Е. Е. Эпистолярный жанр в творчестве А. С. Пушкина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 7.

⁴⁰ Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской поры // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1975. Вып. 358. С. 110.

⁴¹ Степанов Н. Л. Указ. соч. С. 51.

В письмах Булгарина существенную роль играет самовыражение, стремление к авторской самоидентификации, которая имеет по преимуществу профессиональные характеристики: его эпистолярное лицо — образованный и европейски ориентированный русский литератор, журналист. Вместе с тем если модели исторического и литературного характера, нашедшие отражение в письмах, были основательно изучены на примере писем пушкинского круга и некоторых русских критиков первой половины XIX в., позволив увидеть в этих письмах «памятник тех процессов умственной жизни русской интеллигенции 1830–1840-х годов, которые предсказывали метод и подготовили материал для русского романа второй половины века»⁴², то эпистолярий Булгарина, Греча, Полевого и других литераторов-профессионалов, имевших в эти годы огромную читательскую аудиторию в России, оказался вне филологического интереса и ждет своего часа.

V

Обычно письма писателей (если это не классики, у которых они включаются в полные или приближающиеся к ним по составу собрания сочинений) печатаются очень выборочно, отбираются те, которые написаны литераторам, родственникам или близким друзьям. Однако Булгарин представляет интерес не столько как писатель, сколько как журналист и издатель, поэтому особенно важна его переписка с коллегами по редакции, авторами, цензурой и т. д. Исходя из этого в сборнике публикуются письма лицам разного общественного положения и разных профессий. Однако в него включены далеко не все известные письма Булгарина. Было отдано предпочтение большим подборкам писем одному автору, ранее не печатавшимся письмам и, разумеется, письмам, ценным для характеристики условий, в которых действовал тогда журналист и писатель. За пределами книги остались многочисленные письма в III отделение, опубликованные в сборнике «Видок Фиглярин: Письма и записки Ф. В. Булгарина в III отделение» (М., 1998), деловые письма, связанные со службой Булгарина в Министерстве народного просвещения и Комиссии

⁴² Гинзбург Л. Я. Указ. соч. С. 118.

коннозаводства, письма, написанные Булгариным в связи с процессом его двоюродного дяди, которым он долго занимался и обращался при этом к разным влиятельным людям, а также малозначительные письма с мелкими просьбами или по очень частным поводам (см. в приложении список всех известных нам писем). В случае публикации писем какому-нибудь адресату мы приводили также письма ему от этого человека, если они сохранились (исключение было сделано только для многочисленных писем Булгарину Грибоедова и Греча, которые недавно печатались в научных изданиях⁴³). Но Булгарин вел переписку и со многими другими людьми, письмами Булгарина которым мы не располагаем и письма которых поэтому в книгу также не включены. Это А. А. Бестужев, Д. В. Веневитинов, В. А. Вонлярлярский, Н. И. Гнедич, Д. В. Дашков, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, М. Т. Каченовский, Ф. Ф. Кокошкин, К. П. Масальский, А. Н. Оленин, Е. Ф. Розен, Е. П. Ростопчина, Н. П. Румянцев, П. П. Свињин, О. И. Сенковский, И. Н. Скобелев, А. Ф. Смирдин, В. И. Туманский, Н. И. Тургенев, А. С. Хомяков и другие отнюдь не рядовые литераторы, журналисты, историки, государственные деятели, а также многие читатели, на письма которых Булгарин отвечал.

Письма в сборнике печатаются не в общей хронологии. Они разбиты на восемь подборок (письма историкам, литераторам, сотрудникам газеты «Северная пчела», цензорам, чиновникам, книгопродавцам и издателям, друзьям, знакомым), внутри каждой подборки адресаты даны в условной хронологии.

Письма печатаются в основном по подлинникам, если для публикации была использована копия, это оговаривается в комментариях. Ряд писем был ранее опубликован, а в дальнейшем утрачен, тогда была использована публикация, кроме того, в ряде случаев, если письмо было напечатано в авторитетном издании, мы тоже печатали по публикации, а не по оригиналу.

Орфография писем приведена в соответствие с современными нормами, однако написание слов того времени, особенно отражающих особенности булгаринского написания (ценсура,

⁴³ См.: *Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений*. СПб., 2006. Т. 3; *Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина* // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 327–484.

механизм, нумер, ералашь, гошпиталь, бог (нередко со строчной буквы) и др.), сохранено. Недописанные автором части слов даны в прямых скобках, в такие же скобки взяты слова, добавленные нами. Подчеркивание в оригинале одной линией передается при печатании курсивом (как и во времена Булгарина), подчеркивание тремя линиями — полужирным шрифтом.

Вместо слов, которые не удалось прочесть, стоит: [нрзб.].

Булгарин был непоследователен в написании названий периодических изданий, статей и книг, он мог использовать курсив (заменявший тогда кавычки), мог писать просто с прописной буквы, а мог (в поздний период своей деятельности) применять и кавычки. В настоящем издании написание унифицировано: названия статей, книг и периодических изданий взяты в кавычки.

Благодарим Екатерину Георгиевну Вожик, Ольгу Валерьевну Гусеву, Тимофея Ивановича Животовского, Светлану Алексеевну Ипатову, Веру Аркадьевну Мильчину, Андрея Михайловича Ранчина, Михаила Львовича Сергеева, Татьяну Кузьминичну Шор, Манфреда Шрубу, Петра Валерьевича Шувалова и Василия Георгиевича Щукина за помощь в подготовке сборника.

Н. Н. Акимова, А. И. Рейтблат